

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В ЮГО-ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИях РОССИИ В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В. В. Холстинин

Кубанский государственный университет

Поступила в редакцию 23 августа 2018 г.

Аннотация: в статье рассматриваются общелингвистические и медийные аспекты языковой политики в юго-западных губерниях России в досоветский период.

Ключевые слова: Бжезинский, Грушевский, газета «Киевлянин», Каревин, Просвита, подгорский диалект, рутены, Русь-Украина, Украина, украинизация, Центральная Рада, сепаратизм, юго-западные губернии, Шпенглер, Щеголев, языковая политика.

Abstract: the article deals with General philological and media aspects of language policy in the South-Western provinces of Russia in the pre-Soviet period.

Keywords: Bzhezinskiy, Grushevskiy, newspaper, «Kiyevlyanin», Karevin, Prosvita, Podgorka dialect, ruthen, Rus-Ukraine, ukrainization, The Ukrainian Rada, separatism, Shpengler, Schegolev.

Политическая ситуация в Украине наглядно демонстрирует всю глубину общественного разлома. Дискредитация и, как следствие, деградация культурных ценностей, сформированных в советский период, позволили заполнить духовный вакуум новыми идеями. Корни их кроются в исторических коллизиях, смысл и содержание которых упорно замалчивались как российскими, так и советскими элитами.

Социально-политические механизмы образования новых наций на фоне вновь возникших культурно-исторических реалий XIX в. нашли свое глубинное отражение в работе немецкого философа О. Шпенглера. «На смену войнам за наследство, — писал он, — пришли языковые кампании, в которых одна нация старается навязать фрагментам другой свой язык, а с ним — и свою национальность» [1, с. 189]. Украина в контексте данного тезиса может являться экспериментальной лабораторией, где консолидированное российским подданством общество подверглось сначала методичной языковой, а позднее и национально-идеологической экспансии. В результате более чем трехсотлетнее развитие этого края под монархическим скипетром Романовых утратило свой исторический смысл. Синтезированный новояз и самобытная культура Малороссии, прежде гармонично влившаяся в общерусскую, для адептов украинства стали инструментами сегрегации, нацеленными на слом общественного согласия и зарождения сепаратистских настроений.

Руководящая и направляющая роль Запада как ключевого бенефициария украинского кризиса в последние годы также стала очевидна. З. Бжезинский в книге «Великая шахматная доска» (1998) уделит особое внимание политической ценности Украины

как отколовшейся части Русского мира. Потерю Украины он считает «геополитически важным моментом» и «геополитическим катализатором» по причине существенного ограничения «геостратегического выбора России...». Он утверждает, что без Украины «любая попытка Москвы воссоздать евразийскую империю способствовала бы тому, что в гордом одиночестве Россия оказывалась запутавшейся в затяжных конфликтах...» [2, с. 12]. Идеологическая парадигма высказанных им мыслей, как и всей современной американской политики, обращает на себя внимание ввиду его безапелляционной логики и холодного прагматизма. Языковой вопрос также не остался за скобками интересов Бжезинского. В своем интервью газете Financial Times (11.12.2013) он признает, что «языковые различия сохраняются и некоторые районы Украины чувствуют более тесную связь с Россией» и что «даже наиболее активные сторонники евроинтеграции лишь недавно стали считать украинский язык своим собственным» [2, с. 92]. Все это подтверждает политическую значимость и актуальность решаемого сегодня украинскими политиками «языкового вопроса».

Началом политической украинизации можно считать переход от национально-культурных и фольклорных исканий к созданию общественно-политического движения по обе стороны российско-австро-венгерской границы. Наиболее полное понимание национальных процессов, охвативших юго-западные губернии дает капитальное исследование С. Щеголева «История «украинского» сепаратизма» (1912). Изданное в то время, оно осталось невостребованным самодержавием. С точки же зрения большевиков, нашедших временных союзников в лице политических основоположников украинства, оно стало крамольным. Факты и доводы, приведенные авто-

ром, в корне не отвечали интернациональному духу революции и партийным задачам строительства советского государства. Современный исследователь А. Каревин в работе «Русь нерусская» предложил содержательный обзор социокультурных, национально ориентированных процессов в Украине до середины 20-х годов XX в. Опираясь на этих и других авторов, рассмотрим основные механизмы формирования жестких национальных установок в украинском общественном движении и основные причины их успешной адаптации на территории Малороссии и Новороссии.

С. Щеголев обращает внимание на первый печатный орган галицийских националистов, так называемых народовцев, — газету «Правда». Возглавляемое известными украинофилом А. Конисским, а позднее А. Барвинским, данное издание внесло немалый вклад в идеологическое оформление украинского национализма. «“Правда”, — пишет Щеголев, — подымает стяг ультранационального шовинизма, объявляя всех с ней несогласных врагами «Руси-Украины», то есть Галиции и Южной России» [3, с. 91]. До появления здесь киевских идеологов украинства на фоне активизации австро-венгерских репрессивных и «воспитательных» усилий по разложению и полному уничтожению москвофильских настроений подавляющее большинство местного населения считало себя частью русской культуры, русского мира, что при близости языка создавало для Вены определенную угрозу возникновения очага пророссийского сепаратизма. «Рутены, — заявлял А. Галуховский, наместник Франца Иосифа в Галиции, — не сделали, к сожалению, ничего, чтобы обособить свой язык от великорусского, так что приходится правительству взять на себя инициативу в этом отношении» [4, с. 28].

Организирующим ядром в антироссийском проекте Австро-Венгрии и учителями для галицких «новозристов» выступили «киевские режиссеры». Они, пишет С. Щеголев, «немедленно приступили к использованию тех «культурных» подачек, какие Украина-Русь выпрашивала себе от австро-венгерских покровителей» [3, с. 92]. Этими «режиссерами», по мнению автора, стали киевские деятели науки и образования — руководители журнала «Киевская старина» историк В. Антонович, филолог П. Житецкий, историк-краевед Д. Багалеи и др. Это киевское издание еще прежде стало пропагандистской площадкой для многих малороссийских украинофилов. Их идейным вдохновителем был профессор киевского университета В. Антонович. «Из “слушателей” Антоновича, — пишет С. Щеголев, — более выдающиеся попадали на кафедры, как талантливый профессор Д. Багалеи (в Харькове), профессор М. Грушевский (в Киеве); другие (как В. Науменко) сеяли просвещение в среднеучебных заведениях, третьи становились пастырями духовными, публицистами, народными учителями» [3, с. 74]. Многие из этих слушателей ста-

нут первой идеологической гвардией, выступившей позднее в авангарде процесса всеобщей украинизации Малороссии и Новороссии.

Идеологом политического украинства был и остается М. Грушевский. Созданная им история малороссов, воплощенная в таких капитальных монографиях, как «История украинской литературы» и «История Украины-Руси», легла в основу всей современной украинской историографии [5]. Его эксперименты с фонетическим правописанием и польско-немецкой лексикой, положенной на подгорский диалект Галиции, привели к созданию нового языка, главной ценностью которого была отдаленность от русской словесной культуры. «Рецепт изготовления, — пишет С. Щеголев, — основан на подгорском диалекте, говоры которого наиболее засорены польскими и немецкими словами. Подмесь малорусских диалектов — подольско-волынского и украинского... допускалась с большими предосторожностями: каждое малорусское слово или фраза, в коих замечаемы были общерусские признаки в фонетике, лексике, морфологии или синтаксисе, либо браковались, либо подвергаемы были калечению» [3, с. 95]. И. Нечуй-Левицкий, ярый сторонник *новояза*, позднее утративший свой национальный энтузиазм в этом вопросе, сообщал своему коллеге: «С этого газетного языка публика просто смеется. ...Галичанских книжек у нас на Украине не читают; их трудно читать. Поднял я бучу не зря, раз мы теряем так широкую публику». Позднее он утверждал, что «это дело заговора немногих украинцев, которые захватили в свои руки издания и от которых зависит корректура...» [4, с. 42].

К концу XIX в. усилиями украинофилов в медиасфере юго-западных губерний наметилось формирование двух языковых течений: с одной стороны, *украино-австрийский* язык, основанный на галицких диалектах, с другой — *украино-русский*, язык Шевченко и Котляревского, понятный большинству жителей Малороссии. Несмотря на декларируемое М. Грушевским стремление к их равноценному симбиозу на основе взаимных филологических уступок, фактически в прессе и в частных издательствах, принадлежавших украинофилам, прилагались все усилия для внедрения первого и дискриминации второго. А. Крымский отмечал: «Галицкий журнал “Літературно-науковий вісник”, который проф. Грушевский перенес было из Львова (входивший тогда в Австро-Венгрию) в Киев, не только не привел к литературному объединению и единодушию между российскими украинцами и галичанами, а, наоборот, сделался в глазах широкой, средней украинской публики чужеедным наростом, надоедливый паразитом и только обострил недоразумения» [4, с. 44]. Затруднения в использовании нового, по выражению самого М. Грушевского, *кованого* языка, испытывали не только видные литераторы, но и широкая читательская аудитория, в подавляющем большинстве

своем русскоговорящая, а в сельской местности владеющая малорусскими диалектами (подольско-волынским или украинским). Многие подписчики возвращали в редакции книги и журналы на непонятном им языке, сопровождая их нелестными отзывами. Даже среди *свидомых украинцев* встречались критические высказывания. Так, один из них, К. Довгань, замечает, что «обогащаясь таким образом, пренебрегая самыми элементарными законами фразеологии и синтаксиса украинского, украинский язык — книжный и газетный — часто-густо представлял собой печальную картину языковой мешанины, пеструю лексическую массу, чуждую органично и непонятную читателю украинцу» [4, с. 36]. В свою очередь, и Грушевский вынужден был признать недостатки в работе над языком: «Много в нем такого, что было применено или составлено на скорую руку и ждет, чтобы заменили его оборотом лучшим» [4, с. 45].

Существенная роль в языковой интеграции малороссийского народа принадлежит национально-культурному движению украинцев «Просвита». Для понимания идеологической основы этого национально-общественного движения, следует обратиться к взглядам его основателей. Галицкий поэт и украинофил К. Климкович в своей программе, опубликованной в львовской газете «Вечерницы», заявлял: «Если малоросс считает себя русским человеком, то этим отдает себя врагу на поругание: москали топчут на Украине правду и свободу, но пусть боятся малороссов: придет Божий суд, и когда-нибудь малороссы от Карпат до Кавказа сотворят такие поминки, что будет памятно внукам и правнукам» [3, с. 85]. С. Щеголев писал, что «Просвита имеет задачей издание популярных книг и брошюр, организацию библиотек-читален по селам. Получив от своих фундаторов хорошую антирусскую закваску, она верно придерживается старых лозунгов и доселе» [3, с. 85]. На этом политическом поле работали малороссы М. Драгоманов, позднее «свернувший» с украинского пути к социал-демократическим идеалам, и литератор П. Кулиш, основавший в 1880 г. журнал украинофилов «Правда». Адресатом этой антиросийской пропаганды стал малорусский обыватель.

Движение «Просвита» объединило многих активных деятелей украинства. Однако создание научно-образовательной базы украинской партии было почти личным проектом М. Грушевского. Под его руководством при Львовском университете в 1894 г. открылась кафедра истории южной Руси, и, что существенно, преподавание велось на новом, так называемом русско-украинском языке. Последующее расширение перечня дисциплин позволит проложить сюда дорогу тысячам малороссийских юношей, идущих «набираться патриотического духу». В России такому потоку абитуриентов способствовали и быстро создаваемые местные городские и сельские «Просвиты». Здесь открывались образовательные

курсы, литературные кружки, театральные студии и фольклорные коллективы, печатались брошюры, календари и лубковая литература.

К началу XX в. «Просвиты» и иные национально-культурные общества «той же закваски» существовали на территориях Кубани, современных Белгородской, Курской, Воронежской областей и даже Закавказья. В общественно-просветительской сфере особое место отводилось СМИ. «Украинская партия, — пишет С. Щеголев, — создала в России для своих целей ряд периодических изданий, организовала несколько книгоиздательств, а сверх того, пользуется гостеприимством многих русских газет и журналов» [3, с. 144]. В первом десятилетии XX века в России насчитывалось 12 печатных органов, из которых пять журналов и пять газет выходили в Киеве и по одной — в Екатеринославе и Харькове («Дніпрові хвилі» и «Сніп»). Популярность этих изданий зачастую не оправдывала ожиданий их учредителей, однако на идеологическом фронте было много сочувствующих или «вынужденных сочувствовать». Так, киевская газета «Рада» (1911), освещающая историю кубанского казачества, сообщает, что «на протяжении полувека козакам приходилось защищать свой край не только от чечни, но и от поползновений чужого государства российского, которое по временам останавливало свой, быть может, чересчур благосклонный взгляд на хлебородных кубанских полях» [3, с. 145]. В то же время газета обращается к своим «подписчикам и лицам сочувствующим» за материальной помощью. В письме к читателям редакция «просит подписчиков, знающих только народное наречие, не смущаться, если для них язык газеты непонятен; редакция сознается, что и сотрудники ее сами лишь «учатся писать на своем языке» [3, с. 145]. За внешним намерением «приспособиться к народному языку», явно просматривается стремление хоть как-то приобщить читателя к новому *русско-украинскому*.

Новый язык и *национализированная культура* провоцировали в обществе противоречивые отклики. Так, на съезде агрономов, проходившем в Екатеринославе (1911), было высказано общее мнение о публикации сельскохозяйственной литературы на русском языке, но после категорического протеста одного участника было решено исключить из резолюции упоминание о языке, «дабы не поднимать политических страстей». Как пишет С. Щеголев, «наскока одного “щирого украинца” было достаточно, чтобы погрузить весь съезд в прекраснуюдушную обломовщину» [3, с. 314]. Однако так молчали не все, и в своем труде автор приводит массу примеров принципиальных читательских отзывов. Киевское «Наукове товариство» (научный печатный орган, руководимый М. Грушевским) выпустило сборник статей «медицинской» секции. После этого в газете «Киевлянин» вышла критическая статья «врача-читате-

ля», где он открыто высказывает свое возмущение «бьющей в глаза вздорной тенденциозностью идеи издания» и отмечает, что «неудобоваримость сборника происходит от загромождения его на всем протяжении 120 страниц пестрой грудой самых рискованных, самых удивительных неологизмов», таких как *квантитет* (количество), *экскрецюваты* (выделять), *рурка* (трубка) и др. [3, с. 188].

В Центральную Раду УНР (1918) вошли многие сторонники и последователи М. Грушевского, а сам он занял пост председателя. Но нарастающее революционное движение народных масс, охваченных идеями социальной справедливости, способствовало установлению советской власти на территории Малороссии. Главным оружием большевиков в деле перестройки политического пространства Украины стала классовая идеология. В своей речи на заседании ВЦИК, прозвучавшей 14 декабря 1917 г., И. Сталин прямо заявил: «Нас упрекают в том, что мы проводим решительную политику против Рады. Но именно эта решительная политика открыла украинским рабочим и крестьянам глаза, выявив буржуазную сущность Рады» [6, с. 17].

Предреволюционный период развития украинского общества со всеми его социокультурными метаморфозами до недавнего времени оставался незамеченным, как бы не существующим для советской исторической науки. Однако именно он стал *идеологическим прологом* на долгом пути национальной сегрегации русской культуры на территории Украины. Вектор отчуждения и неприятия всего русского, заданный Грушевским и его единомышленниками, реализуемый их *кованым* языком, по-прежнему соответствует и воспроизводит те деструктивные процессы,

которые захватили политическое поле современной Украины. «Чем язык отличается от *диалекта*? — задает вопрос украинский историк и журналист Кирилл Галушко и отвечает: — *У языка есть армия*» [7]. В контексте подобных рассуждений о причинах и значении исторических противоречий, обострившихся между Украиной и ее западными соседями, этот автор снова напомнил украинскому читателю, что сегодня язык на Украине — это по-прежнему «острый предмет» национальной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / О. Шпенглер. — М.: Мысль, 1998.
2. Бжезинский З. Украинский шанс для России / З. Бжезинский. — М.: Алгоритм, 2016.
3. Щеголев С. Н. История украинского сепаратизма / С. Н. Щеголев. — М.: Имперская традиция, 2004.
4. Каревин А. С. Русь нерусская / А. С. Каревин. — М.: Имперская традиция, 2006.
5. Холстинин В. В. Историческая роль М. С. Грушевского как теоретика и практика украинского сепаратизма / В. В. Холстинин // Содружество литературных проектов «Русское поле». — Режим доступа: <http://parus.ruspole.info/node/7300> (дата обращения: 17.02.2018).
6. Сталин И. В. Сочинения. Т. 4. Ноябрь 1917–1920 / И. В. Сталин. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1953.
7. Украинский русскоязычный деловой еженедельник «Деловая столица». — Режим доступа: <http://www.dsnews.ua/society/pravda-i-geopolitika-pochemu-bandera-ne-stal-obychnym-agronomom-05112017180000> (дата обращения: 17.02.2018).

Кубанский государственный университет

Холстинин В. В., старший преподаватель кафедры публицистики и журналистского мастерства

E-mail: shirokov1968@mail.ru

Kuban State University

Holstinin V. V., Senior Lecturer of the Department of Journalism and Journalistic Skills

E-mail: shirokov1968@mail.ru